

На правах рукописи

Харитоновна Зинаида Григорьевна

**ФОРМЫ ДИАЛОГА С М.А. БУЛГАКОВЫМ
В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ (1980-е – 2000-е ГОДЫ)**

Специальность 10.01.01 – Русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Казань – 2009

Работа выполнена на кафедре русской литературы
ГОУ ВПО «Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-
Ленина»

Министерства образования и науки Российской Федерации

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент

Прохорова Татьяна Геннадьевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор

Щедрина Нэлли Михайловна

кандидат филологических наук, доцент

Сорокина Татьяна Викторовна

Ведущая организация ГОУ ВПО «Марийский государственный
университет»

Защита состоится 21 декабря 2009 года в 15 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.081.14 при Казанском государственном
университете по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 35 (2-й учебный
корпус), ауд. 1313.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им.
Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета (Казань, ул.
Кремлевская, д. 35).

Автореферат разослан ноября 2009 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

кандидат филологических наук

Р.Л. Зайни

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Среди выдающихся художников XX века, чье слово всегда способно прозвучать по-новому в открытом диалоге с потомками, особое место принадлежит М.А. Булгакову. Его творчество оказало огромное влияние на все последующее развитие нашей литературы. Во-первых, это мощное идейное, мировоззренческое воздействие. Для многих советских людей творения писателя помогли скорректировать само понимание жизни, ее ценностей, они задали высокую планку свободы и открыли глаза на мир несвободы, с его ложью, лицемерием, двоемыслием. Во-вторых, творчество М.А. Булгакова и поныне продолжает оказывать сильнейшее эстетическое влияние. Его произведения и, прежде всего, роман «Мастер и Маргарита», поражают смелым соединением несоединимого: фантастики и злобы дня, лирики и трезвого сарказма, романтического пафоса, мистики и философской глубины, сложной семантики возможных миров и реалистического анализа. При этом творчество Булгакова отличается разнообразием интертекстуальных связей. Он вступает в диалог со своими предшественниками, литературными учителями, современниками: Н.В. Гоголем и М.Е. Салтыковым-Щедриным, А.С. Пушкиным и А.П. Чеховым, Ф.М. Достоевским и Л.Н. Толстым, Д. Бедным, Ю. Слезкиным и А. Грином, а также с А. Данте, Э.Т.А. Гофманом, И.В. Гете, Г. Уэллсом и др. В конце XX века к этому многожанровому, многоаспектному полилогу подключаются и современные авторы, наследники и ученики М.А. Булгакова.

Актуальность избранной нами темы – исследование форм диалога с М.А. Булгаковым в русской литературе конца XX – начала XXI веков – определяется необходимостью обобщить и систематизировать этот разнородный литературный материал, чтобы через него понять закономерности развития новейшей отечественной литературы.

Цель исследования – выявить основные пути литературно-художественных интерпретаций наследия Булгакова, характерные функции и

формы диалогических связей с ним в произведениях отечественной прозы 1980-2000-х годов, когда читателю были возвращены все ранее запрещенные творения Мастера.

Поставленная цель позволила нам выделить три ключевых теоретических аспекта: проблема традиции; проблема подтекста; анализ интертекстуальных связей. Отсюда вытекает и круг конкретных **задач**, к решению которых мы стремились:

1. установить причины обращения современных писателей к творчеству Булгакова;
2. на материале романа братьев Стругацких «Отягощенные злом, или Сорок лет спустя» исследовать формы рецепции булгаковской традиции;
3. проанализировать формы и функции булгаковского подтекста на примере повестей А. Житинского «Внук доктора Борменталья» и Э. Рязанова «Предсказание»;
4. определить формы интертекстуальных связей в постмодернистских новеллах Ю. Буйды и рассказах Д. Липскерова.

Объектом анализа в диссертации являются: последнее произведение братьев Стругацких – роман «Отягощенные злом, или Сорок лет спустя», повести А. Житинского «Внук доктора Борменталья» и Э. Рязанова «Предсказание», рассказы Д. Липскерова («Эдипов комплекс», «Окно для наблюдателя») и новеллы Ю. Буйды («Черт и аптекарь», «Седьмой холм»). При выборе материала мы стремились рассмотреть произведения различных жанровых форм (роман, повести, рассказы, новеллы) и разных эстетических направлений (от реализма до постмодернизма), а также переходные художественные формы.

Степень разработанности проблемы. Вопросу рецепции творчества Булгакова в современной литературе в литературоведении и критике пока уделяется мало внимания. Ученые лишь намечают возможные подходы к изучению данной проблемы, ограничиваясь анализом одного-двух

произведений и не стремясь к обобщениям, позволяющим сделать выводы о путях и формах ведения современными писателями диалога с Булгаковым.

Предметом исследования являются диалогические связи с творчеством М.А. Булгакова в отечественной прозе рубежа XX–XXI веков.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые

- обобщен и систематизирован литературный материал, позволяющий выявить различные формы диалога современных авторов с Булгаковым;
- определен круг произведений Булгакова, к которым чаще всего апеллируют современные писатели;
- выявлены основные функции булгаковских мотивов и образов, цитат, аллюзий, реминисценций в произведениях современных писателей;
- определены различные формы восприятия булгаковской традиции и литературной игры с ней;
- введены в научный оборот ранее не анализировавшиеся в данном аспекте произведения А. Житинского «Внук доктора Борменталья», Э. Рязанова «Предсказание», Д. Липскерова («Эдипов комплекс», «Окно для наблюдателя»), Ю. Буйды («Черт и аптекарь», «Седьмой холм»);

Теоретико-методологический основой диссертации послужили концептуальные положения работ по проблеме диалогизма в литературе М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, Ж. Деррида, М. Бубера, М. Хайдеггера, Г. Гадамера, У. Эко. В вопросах теории традиции мы в основном опирались на работы А.С. Бушмина, Д.С. Лихачева, Ю.Н. Тынянова. Исследование булгаковского подтекста велось на основе трудов А.Р. Лурия, К. Тарановского, В.Я. Мыркина. В области теории интертекстуальности мы опираемся на широкий круг отечественных и зарубежных исследований: Ю. Кристевой, Ж. Женетта, Р. Барта, А.К. Жолковского, Ю.Н. Тынянова, Н.А. Фатеевой, И.В. Арнольд, И.П. Смирнова, И.П. Ильина и др.

В ходе исследования были применены системный, историко-функциональный, структурный, интертекстуальный и сравнительно-типологический **методы анализа**.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Интерес современных писателей к булгаковскому творческому опыту на разных этапах развития литературы объясняется разными причинами и носит различный характер. Если на рубеже 1980-1990-х годов в Булгакове видели, прежде всего, сатирика и социального диагноста, то в ситуации постмодерна писателей привлекает игровая стихия его творчества.

2. Творческий опыт Булгакова был востребован как писателями, близкими постмодернизму (в частности, Ю. Буйдой и Д. Липскеровым), так и продолжателями реалистических традиций (А. Житинским, Э. Рязановым, А. и Б.Стругацкими).

3. Булгаковское «присутствие» в русской прозе конца XX обнаруживается на различных уровнях: начиная с заголовочного комплекса и до сюжета, композиции, структурообразующих мотивов, системы ключевых фраз, слов, знаковых имен и образов.

4. Основные функции диалога современной прозы с Булгаковым заключаются в следующем: размышления над типологически сходными вечными проблемами актуализируют философскую функцию; особое мироощущение, балансирующее на грани фантастики и реальности в казалось бы, обыденной ситуации, определяет значимость моделирующей функции и, наконец, структурирующая функция связана с такими свойствами анализируемых текстов, как полифонизм, множественность точек зрения.

5. Восприятие булгаковской традиции воплощается в виде структурной референции, цитации на уровне художественных образов, интерпретации характерных булгаковских тем и мотивов; в виде обращения к формам карнавализации и гротеска. Булгаковский подтекст выражается через диалог-полемику, биографическую цитацию, структурно-сюжетный палимпсест. В постмодернистских текстах наблюдается как следование традиции, так и игра

с ней. Форма пастиша используется современными авторами как редуцированная форма пародии на булгаковские произведения.

Апробация работы. Основные положения диссертации были отражены в 6 докладах: на VI и IX межвузовских научных конференциях студентов-филологов (Санкт-Петербург: 7-11 апреля 2003 года и 10-14 апреля 2006 года), на международной конференции «В.А. Богородицкий: научное наследие и современное языкознание» (Казань, 4-7 мая 2007 года), на IV международной научно-методической конференции «Литература в контексте современности» (Челябинск, 12-13 мая 2009 года); на VI Республиканской научно-практической конференции «Литературоведение и эстетика в XXI веке» («Татьянин день») (Казань, 21-23 января 2009 года), на итоговой конференции преподавателей КГУ (Казань, 5 февраля 2009 года), а также в 9 публикациях (три из них – в изданиях, рецензируемых ВАК РФ).

Практическая значимость диссертации: материалы исследования могут использоваться в спецкурсах по современной литературе и по творчеству М.А. Булгакова, а также при разработке курса по истории русской литературы XX века.

Структура работы определилась в соответствии с задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованных источников и научной литературы. *Первая глава* посвящена изучению булгаковских традиций в современной отечественной прозе (на материале романа братьев Стругацких «Отягощенные злом, или Сорок лет спустя»); *вторая глава* – анализу специфики функционирования булгаковского подтекста в повестях А. Житинского «Внук доктора Борменталья» и Э. Рязанова «Предсказание»; в *третьей главе* выявляется булгаковский интертекст в творчестве Ю. Буйды и Д. Липскерова, исследуются его формы и функции.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **ВВЕДЕНИИ** определена теоретическая платформа диссертации, дан обзор теоретических работ по проблеме диалога и диалогизма в литературе, определены основные подходы, существующие в осмыслении данной проблемы. Исходная позиция состоит в том, что диалог является не только художественной формой, к которой обращаются писатели, но принципом существования культуры, способом осуществления литературно-художественного процесса. В связи с этим диалог между писателями разных эпох представляет собой квинтэссенцию диалогичности самой культуры.

Во введении также дан обзор основных научно-критических исследований, связанных с проблематикой диссертации, определены актуальность, новизна и научная значимость работы, сформулированы положения, выносимые на защиту, объект, предмет, цель и задачи исследования, дано обоснование его композиционной структуры.

ГЛАВА I «Булгаковские традиции в современной отечественной прозе (на материале романа братьев Стругацких «Отягощенные злом, или Сорок лет спустя»)» посвящена изучению функционирования булгаковской традиции на различных уровнях: сюжетно-композиционной структуры, системы образов, сквозных мотивов.

Традиция – понятие, характеризующееся общекультурной памятью и преемственностью, предполагающей положительное восприятие опыта прошлого, включая идеи, концепции, мировоззренческие установки. Благодаря традиции также могут наследоваться и различные особенности поэтики произведений. Именно такой спецификой функционирования традиции и объясняется построение данной главы.

Интерес к наследию Булгакова пронизывает все творчество братьев Стругацких. Типологически сходные черты, позволяющие сблизить их произведения с творчеством великого писателя, заключаются в переплетении смешного и серьезного, обыденного и высокого, реального и

фантастического; в интересе к сопряжению прошлого, настоящего и будущего, к проблеме социального и научного экспериментов и их последствий; в приверженности к определенному типу героя – интеллигенту, человеку остроумному и ироничному, преданному своему делу.

В последнем романе братьев Стругацких «Отягощенные злом, или Сорок лет спустя» булгаковская традиция проявляется особенно отчетливо, она обнаруживает себя на всех уровнях текста.

В § 1 *«Булгаковский «след» в заголовочном комплексе романа братьев Стругацких «Отягощенные злом, или Сорок лет спустя»»* был рассмотрен характер эпиграфов и вступительная глава к роману. В первом эпиграфе диалог с Булгаковым начинается с полемики: Стругацкие акцентируют внимание не столько на неразрывной связи добра и зла, сколько на проблеме заблуждения людей, неразличения ими этих двух начал. Второй эпиграф содержит вопрос, который ставился и во многих произведениях Булгакова: можно ли с помощью насилия защитить истину. Кроме того, в заголовочном комплексе «Отягощенных злом...» заявлена проблема истинного и мнимого ученичества, мифотворчества, в равной степени важная для Булгакова и Стругацких.

С самого начала становится очевидным, что своеобразным претекстом «Отягощенных злом...» является роман «Мастер и Маргарита», но одновременно в диалог вовлекаются и другие булгаковские произведения.

§ 2 *«М.А. Булгаков и братья Стругацкие: принцип структурной цитации в романе «Отягощенные злом, или Сорок лет спустя»»* посвящен структурным переключкам, объединяющим романы Булгакова «Мастер и Маргарита» и Стругацких «Отягощенные злом...». Термин «структурная цитация» был введен в литературоведение А.К. Жолковским. По наблюдению ученого, автор может заимствовать из произведений предшественников определенные композиционные приемы, а также построение фраз, при этом структурная переключка захватывает и содержательные уровни текста.

Как и «закатный» роман Булгакова, «Отягощенные злом...» представляют собой текст в тексте. Стругацкие также заимствуют принцип композиционного и стилового контраста в соотношении «современных» и «древних» глав романа. Но если в булгаковском «Мастере...» современность представлена как фантасмагория, а картина далекого прошлого дана с высокой степенью конкретно-исторической детализации, то в романе «Отягощенные злом...» «современные» главы представлены как свидетельство очевидца, а «древние» напоминают фантасмагорию.

Следуя путем Булгакова, авторы «Отягощенных злом...» еще более усложняют композиционную и стилевую структуру своего романа. Перед нами фактически несколько текстов, причем, если современная часть, написанная в форме дневника Мытарина, в стилевом отношении более или менее однородна, то «рукопись» ученого Манохина, выполняющая в романе Стругацких фактически ту же функцию, что и роман Мастера в книге Булгакова, включает в себя: повествование о Демиирге и его «свите», относящееся к современности; повествование об Иоанне-Агасфере, в котором действие переносится во времена раннего христианства; главы, героем которых становится Иуда, и «исламские» фрагменты, по времени относящиеся к шестому тысячелетию нашей эры.

В повествовании о Демиирге даже в пределах одной страницы возвышенная речь чередуется со словами разговорного стиля, смешное переплетается с ужасным, что позволяет авторам акцентировать внимание на двойственной природе своих персонажей.

«Евангельская» часть рукописи в основном представляет собой травестию, пересказ на современный лад жития Иоанна Богослова. Если в романе Булгакова ершалаимские главы представлены как *исторический* роман Мастера, то у Стругацких «древние» главы написаны как дружеский рассказ с комическими элементами, адресованный неискующему читателю. Стругацкие свободно нарушают общепринятые трактовки, изменяют принятые «роли».

В современной части «Отягощенных злом...» Агасфер является своеобразным двойником Демиурга и одновременно играет роль шута при нем. В романе Булгакова аналогичную функцию выполняют Коровьев и кот Бегемот. Персонажи такого рода обычно оттеняют трагизм и абсурд жизни, ее несоответствие некоему «идеальному» началу. Образ Агасфера «составлен» из множества масок, поэтому возникают аллюзивные связи с гетевским Мефистофелем и гоголевским Чичиковым. Оба этих «следа» вновь ведут нас к Булгакову. Такие превращения связаны со стихией карнавала, который заставляет все увидеть в новом свете.

Известно, что стихия карнавала заявляет о себе в целом ряде произведений Булгакова, но она имеет четкие границы и не вторгается в мир дома, любви, вечных ценностей. Ее основная функция – суд над злом, поэтому она проявляет себя прежде всего в главах, где изображается мир «мертвых душ». В романе Стругацких, напротив, карнавальный мотив подмены ощущается на протяжении почти всего романа.

Карнавализация предполагает обращение к гротескным формам. В отличие от Булгакова Стругацкие используют не только сатирический, но и чисто карнавальный вариант гротеска. Он в меньшей степени социален, в нем ярче проявляется игровое начало, у него иная функция: иногда, чтобы понять суть того или иного явления, следует оценить его с различных, часто противоположных точек зрения.

Как и в романе «Мастер и Маргарита», у Стругацких гротеск, карнавализация не мешают проявлению лирического начала. Но если представители свиты Воланда не ведают любви, то в «Отягощенных злом...» взаимная привязанность оказывается той силой, которая властна даже над сверхсуществами.

В § 3 *«Цитация на уровне художественных образов»* рассматривается проявление булгаковской традиции в системе образов романа «Отягощенные злом...».

Одной из центральных фигур в системе образов этого произведения является Демиург. Его переключка с Воландом очевидна, при этом заметно не только сходство, но и различия между ними. Это проявляется и в портретной характеристике Демиурга, и в его поведении, что обусловлено, прежде всего, различием самих функций этих героев. Герой Стругацких сочетает в себе черты и бога, и сатаны, поэтому он способен не только к суду над злом, но и к милосердию. Неудивительно, что среди персонажей романа «Отягощенные злом...» фактически нет «жертв» дьявольской силы. Демиург ищет Терапевта, способного обнаружить пути к исправлению рода людского. Таким Человеком становится учитель Георгий Анатольевич Носов (Г.А.). Исследователи уже не раз отмечали, насколько для Стругацких важна тема воспитания. В «Отягощенных злом...» она является одной из центральных, и вся система образов строится в этом русле. Герои образуют пары «учитель – ученик (ученики)».

Позиция Г.А. соотносится с жизненным кредо Иешуа. Он не просто верит в изначальную доброту людей, но и стремится их убедить в том, что нельзя решать проблемы с помощью насилия. При этом булгаковский герой имеет в романе «Отягощенные злом...» не одного, а нескольких своих «преемников» (в том числе и сына Г.А.). Одновременно известные образы получают новые трактовки: Христос (Рабби) идет на смерть ради того, чтобы люди хотя бы просто слышали его и обратили внимание на его учение. Для этого он жертвует Иудой, который здесь предстает как жалкий ученик Христа, слепо исполняющий порученное ему.

Как и в «Мастере и Маргарите», в «Отягощенных злом...» возникает ситуация «учитель–ученик–текст». Причем с этой ситуацией неразрывно связан мотив «путаницы», искажения учения как результат глухоты. В роли такого непонимающего ученика в «современных» главах выступает Игорь Мытарин, в «древних» – Прохор, который представлен здесь как автор «Откровений Иоанна Богослова». Обращение Булгакова и Стругацких к теме взаимного непонимания ученика и учителя, на наш взгляд, было обусловлено

теми реальными обстоятельствами, в которых создавались произведения этих писателей. Лжеучительство, как и лжеученичество, порождает мифотворчество, ведущее к искажению истины.

В § 4 *««Белая гвардия» М. Булгакова и «Отягощенные злом...» братьев Стругацких: к вопросу о мотивной цитации»* рассматривается трактовка авторами мотива Апокалипсиса.

Как и в «Белой гвардии», в «Отягощенных злом...» активизация апокалиптических мотивов обусловлена внетекстовыми причинами. Мотив Страшного суда, звучащий в эпиграфе «Белой гвардии», открывает повествование о трагических событиях гражданской войны, которые интерпретируются писателем в апокалипсическом ключе. В «современных» главах Стругацкие изображают в зеркале пародии ставшие особенно модными в конце XX-го века попытки использовать Апокалипсис для доказательства великой роли России в божественном замысле. Однако если в романе «Белая гвардия» Апокалипсис становится лишь определенной вехой в мировой истории, за которой последует вечная гармония, то в «Отягощенных злом...» истинный смысл Откровений оказывается непостижимым для людей. Апокалипсис воспринимается просто как яркий литературный памятник.

Таким образом, можно констатировать, что произведения Булгакова и братьев Стругацких связывает структурная цитация, а также цитация на уровне образов персонажей. Каждый из этих видов связей дополняет и усиливает эффект другого. Как и в «Мастере...», в каждой части «Отягощенных злом...» наличествует особый тип повествователя, смена субъекта речи становится одним из главных индикаторов смены сюжетной линии. Традиция в данном случае работает не только на уровне пробуждения культурной памяти читателя; благодаря ей расширяется и углубляется ряд знаменитых булгаковских тем и проблем. Среди них проблема амбивалентности добра и зла, тема вечной и истинной любви, мотив сложности отношений учительства-ученичества, тема не-ученика.

Оба романа также роднит феномен карнавализации, вольная интерпретация Священного писания. Одновременно «Отягощенные злом...» отражают настроения, возникшие в конце XX-го века, с присущей этому времени зыбкостью и размыванием границ между явным и неявным, привычным и необыкновенным.

В ГЛАВЕ II «Булгаковский подтекст в повести А. Житинского «Внук доктора Борменталья» и повести Э. Рязанова «Предсказание»» рассматриваются новые формы булгаковского подтекста и его функции в произведениях, описывающих разрушительный финал эпохи перестройки.

Понятие «подтекст» предполагает комплекс идей, мыслей и чувств, который скрыт за словами текста. В диссертации выделено три возможных механизма проявления литературного подтекста. Во-первых, текст может служить стимулом для создания нового образа, во-вторых, новый текст поддерживает или раскрывает посылку предшествующего, в-третьих, исходный текст становится поводом к его перефункционалированию, реконструкции.

В § 1 «Художественные способы активизации булгаковского подтекста в повести А. Житинского «Внук доктора Борменталья»» выявляется палимпсестный характер данного произведения по отношению к повести М. Булгакова «Собачье сердце». Одновременно «Внук доктора Борменталья» встраивается в известную литературную традицию продолжения и развития ранее созданных сюжетов. Сам Булгаков был не чужд подобных диалогических взаимодействий, неудивительно, что Житинский пошел сходным путем. Одним из главных событий в его повести, как и в «Собачьем сердце», становится операция по созданию человека из собаки, при этом медицинский эксперимент соотносится с экспериментом социальным, который происходит в масштабах всей страны и резко критически оценивается автором. Именно тотальная перестроечная «разруха» побудила Житинского обратиться к булгаковскому сюжету. Однако если «Собачье сердце» содержало предупреждение-прогноз, то в

повести «Внук доктора Борменталья» речь идет о том времени, когда самые мрачные прогнозы уже сбылись. При этом между писателями возникает диалог-полемика. Заведомые «ошибки» при интерпретации булгаковского сюжета служат в повести Житинского своеобразными метами, открывающими диалог-полемику. Отсюда понятно, почему все герои «Собачьего сердца», получая новую жизнь в повести Житинского, не просто трансформируются, но нередко меняют свои «знаки отличий» с точностью до наоборот: Швондер превращен Житинским в одинокого старика, у которого остались лишь одни воспоминания, жена Борменталья Марина предстает как своеобразный «осовремененный» женский инвариант Швондера, правда с «демократическим уклоном». Но наиболее кардинальным изменениям был подвергнут образ «лабораторного человека». Парадоксальным образом в нем синтезировались черты булгаковских героев-антиподов: Преображенского и Швондера. Дружков стремится упорядочить жизнь Дурынышей, преодолеть всеобщее озлобление и враждебность. Одновременно «лабораторный человек» сам становится инициатором новых опытов, причем они должны были носить социальный характер – способствовать исправлению «испорченного народа».

Столь же парадоксально трансформируется и характер сюжетной ситуации. В диалог с Булгаковым Житинский вовлекает и других авторов, близких великому писателю. Образ деревни Дурыныши, где происходит действие, воспринимается как аллюзия на город Глупов Салтыкова-Щедрина. Одновременно при характеристике жителей деревни получает свое буквальное воплощение идея распространения шариковщины. А. Житинский, наследуя булгаковский образ-мотив разрухи, воцарившейся прежде всего в умах людей, делает его доминирующим, поэтому и шариковщина становится у него вездесущей победительной силой. Ее жертвой в итоге становится сам «лабораторный человек» Дружков. Через все произведение Житинского проходит мотив озверения людей – потомков

люмпен-пролетария Клим Чугункина. Свое наиболее яркое выражение он получает в финале.

Таким образом, в повести Житинского «Внук доктора Борменталья» реализованы многообразные способы активизации булгаковского подтекста: даны новые трактовки старых персонажей, на основе синтеза «заимствованного» литературного материала созданы новые образы, но, главное, в результате диалога-полемики получили новое развитие заложенные в повести Булгакова смыслы.

В § 2 *«Функция булгаковского подтекста в повести Э. Рязанова «Предсказание»»* получают развитие некоторые идеи, сформулированные в предыдущем параграфе. Э. Рязанов, как и А. Житинский, тоже обращается к творческому опыту М.А. Булгакова в начале 1990-х для осмысления кризисной эпохи, которую переживала наша страна в то время. В повести «Предсказание» также переплетаются социальная критика и фантазмагория, что и ведет к актуализации булгаковского подтекста. Писатель выражает свое неприятие происходящего в России 90-х публицистически страстно, не жалея темных красок при воссоздании картины всеобщего дефицита, тотальной озлобленности и растерянности, отсутствия веры в завтрашний день. Жизненный материал, к которому обращается автор, определяет и характер его стиля, политически заряженного, гневного.

Значимая для Булгакова тема «писатель и власть» в повести Э. Рязанова становится одной из основных. Это ведет к использованию приема биографической цитации. Рязанов включает в историю своего героя моменты, напоминающие о жизненном пути самого Булгакова, в отдельных его репликах проступает булгаковский текст, на пути героя оказываются персонажи, которых Рязанов наделяет известными булгаковскими именами. И все же, несмотря на явные и неявные «созвучия», произведение Э. Рязанова несет на себе неизгладимую печать своего времени. Автору не удалось возвыситься над ним, оценить происходящее с точки зрения вечных ценностей. Он, как и его герой, погружен в пучину тех социальных страстей,

которыми жили люди в начале девяностых, что отражается и на функционировании булгаковского подтекста.

Наиболее явно он проявляет себя через мистические образы и мотивы в предисловии, где рассказывается история появления рукописи. Благодаря аллюзиям, отсылающим к роману «Мастер и Маргарита», создается впечатление таинственности, мистичности происходящего. Возникает своеобразная иллюстрация на тему знаменитой булгаковской максимы: «рукописи не горят», но булгаковские аллюзии выполняют здесь «техническую функцию», они призваны заинтриговать читателя.

Однако есть в этом произведении и еще одна «сверхзадача», к осуществлению которой, видимо, и стремился автор, побуждая читателя соотносить судьбу и мысли героя с судьбой великого писателя и его Мастера: актуализация темы неизбывности одиночества честного и мыслящего человека, враждебности мира по отношению к нему, концентрации безличности, а значит, и ненаказуемости зла. Булгаковская посылка о скрытом социальном зле, принимающем фантасмагорические формы, разворачивается в рязановском тексте в свою систему образов и суждений, воплощающих мысли автора о деперсонализации и безнаказанности зла, о его кумулятивной энергии. Рязанов по-своему стремится развить и гуманистические установки булгаковского творчества, размышляя о человеке, задавленном бюрократизмом и самоуправством властей на родине и не способном обрести дом в чужой стране. Так механизм активизации художественных представлений читателя работает на поддержание и развитие булгаковской посылки.

Подводя итог исследованию, осуществленному в данной главе, можно заключить, что обращение к творческому опыту Булгакова в повестях Житинского и Рязанова связано с тем, что каждый из авторов, идя вслед за своим великим предшественником, стремился по-своему отразить абсурд реальности. Булгаковские подтексты в анализируемых произведениях

заставляют задуматься о причинах тех потрясений, свидетелями и участниками которых стали наши современники в начале 1990-х годов.

ГЛАВА III «Булгаковский интертекст в творчестве Ю. Буйды и Д. Липскерова» посвящена анализу произведений писателей, тяготеющих к постмодернизму. Во введении к главе дан обзор теоретической литературы по проблеме интертекста, акцентируется внимание на специфическом характере интертекстуальности в постмодернистском тексте, выделяются различные модели включения одного текста в другой.

В эпоху постмодерна обращение отечественных писателей к булгаковскому творчеству, пронизанному токами диалогичности, литературной и языковой игры, активизируется. Пристального внимания в этом смысле заслуживает проза Ю. Буйды и Д. Липскерова.

В прозе Ю. Буйды, как и в творчестве М.А. Булгакова, присутствует множество разнообразных форм гротеска, призванных служить заострению социально-философских проблем: «человек и власть», «человек и тоталитарное государство», «свобода и несвобода».

Пространство, в котором разворачивается действие в произведениях Буйды, можно определить как пространство культуры. Точка на карте является тем местом, где встречаются время и вечность, и одновременно географическое пространство становится ключом к пониманию образа мышления героев. Эти особенности художественного мира Буйды своеобразно проявляются и в его книге новелл «Прусская невеста». Новеллистика Ю. Буйды насыщена самыми разнообразными культурными реминисценциями. Анализ новелл позволил убедиться в том, что авторы вовлекают в диалог с Булгаковым и его учителей и предшественников. В результате возникает своеобразный триалог. Реминисценции служат созданию фантасмагорической, абсурдной и одновременно вполне реальной картины жизни маленького советского городка, где происходит действие. В главе детально рассматривается новелла «Черт и аптекарь», в которой вполне очевидный булгаковский аллюзивный «культурный слой» дополняется

пушкинским, гоголевским, щедринским, взаимодействующими друг с другом и образующими синтетическое единство. Эпиграф из пушкинского стихотворения «Бесы» задает ключевой мотив бесовщины, который затем получает свое конкретное воплощение в сюжете сошествия на землю черта и его свиты. Причем функция этой бесовской силы в новелле Буйды в целом та же, что и в романе Булгакова «Мастер и Маргарита»: обнажение абсурда реальности, прежде казавшегося привычным, суд над злом.

Помимо сюжетного уровня, мотив бесовщины проявляется в новелле на уровне образной цитации. Причем здесь обнаруживает себя другой вариант триалога: Буйда – Булгаков – Гоголь. Знаком этой связи является упоминание гоголевского Чичикова, к которому в свое время обращался и Булгаков («Похождения Чичикова»). Аллюзивная связь с героями-предшественниками осуществляется по закону отображения в кривом зеркале. Искажение «первоисточника» происходит за счет «скрещивания» булгаковской версии дьявольской силы уже не только с гоголевской, но и народно-смеховой, фольклорной, а также с маскультовской.

В новелле ярко выражено карнавальное начало, позволяющее не просто разрушать стереотипы, но и сочетать несочетаемые элементы, несущие обновление. Гротескная ситуация похорон памятника Генералиссимусу наполняется серьезным социально-философским смыслом. «Бес» побуждает жителей городка в буквальном смысле похоронить свои страхи и несвободу.

В создании художественного мира новеллы Буйды важны аллюзивные отсылки не только к «Мастеру и Маргарите», но и к другим булгаковским произведениям: «Зойкина квартира», «Дьяволиада», «Батум».

Иная форма диалога с Булгаковым обнаруживает себя в творчестве Д. Липскерова. Как уже было отмечено исследователями, этот писатель обычно тяготеет к странным, маргинальным персонажам, многие из которых интуитивно озабочены поиском некоего потаенного смысла, незаметного для окружающих и часто ускользающего от самих героев. В диссертации подробно рассматриваются рассказы Липскерова «Эдипов комплекс» и

«Окно для наблюдателя», в которых слышны отголоски булгаковского «первотекста». В рассказе «Эдипов комплекс» это проявляется уже на уровне хронотопов – больницы и театра. Первый воспринимается как знак неблагополучия, нездоровья, прежде всего духовного, а второй – как знак симулятивности жизни.

Главный герой рассказа размышляет о хрупкости грани между жизнью и смертью. Если Булгаков в «Собачьем сердце» ставит вопрос о том, чем человек отличается от животного, то Липскеров прибавляет к этому вопросу свой: от чего зависит жизнь вообще, что такое жизнь и смерть. Смерть рассматривается им как момент перехода из одного состояния в другое, поэтому становится возможным воз-рождение, через него и проходит герой.

Вкрапление булгаковских образных реминисценций позволяет акцентировать внимание на абсурде жизни, где размывается граница между сном и явью, бредом и реальностью. При этом заимствованный образ в его пародийно-игровой интерпретации превращается в своего рода знак-указатель, активизирующий память читателя и заставляющий вспомнить не просто о конкретном герое или ситуации, а о связанной с ними проблеме или о какой-то важной художественной особенности, проявляющейся в творчестве Булгакова.

По словам Н.П. Беневоленской, «Постмодернистскую логику можно в целом определить как оксюморонную. (...) один и тот же объект (...) подвергается и апологии, и развенчанию одновременно» [Беневоленская Н.П. Историко-культурные предпосылки и философские основы русского литературного постмодернизма. – СПб.: СПбГУ, 2007. – С. 11.]. В прозе Липскерова мы тоже видим действие этой оксюморонной логики. Вот почему реальность и вымысел неоднократно меняются в рассказе местами.

Одним из сквозных мотивов в произведениях как Булгакова, так и Липскерова является мотив сна-бреда. Причем у Липскерова он превращается в прием организации художественного мира в целом. В этом мире вполне закономерно звучание и другого мотива, характерного для

многих произведений Булгакова, – бегства от реальности. Для героя Липскерова единственным выходом остается смерть, но одновременно это и последний возможный способ вернуть единение с природой и, таким образом, «родиться вновь».

Булгаковские реминисценции обнаруживают себя и в другом рассказе Липскерова – «Окно для наблюдателя», в котором показана история любви писателя и замужней женщины. Ключевая сюжетная ситуация «писатель и его любимая» вкупе с дополняющими ее реминисцентными деталями побуждает вспомнить роман «Мастер и Маргарита», тем более что рассказ Липскерова тоже построен как текст в тексте.

Однако следует констатировать, что, в отличие от прозы Буйды, в рассказах Липскерова влияние Булгакова проявляется в латентной, сильно модифицированной форме. Часто оно присутствует имплицитно, отсылка к опыту предшественника может даже не осознаваться писателем. Липскеров, концентрируя внимание на экзистенциальных проблемах, практически не затрагивает в своих произведениях социальных вопросов, а Буйда, напротив, наследует от Булгакова социально-нравственную, социально-философскую проблематику. При всех различиях в способах преломления булгаковского опыта оба автора творчески относятся к наследию предшественника. В их произведениях булгаковское начало входит естественно и органично. Не разрушая их структуры и не заслоня собой авторский замысел, оно становится основанием для построения новых художественных концепций, которые оказываются связующим звеном с русской литературной традицией, а через нее – со всей мировой культурой.

В ЗАКЛЮЧЕНИИ диссертации сформулированы научные результаты проведенного исследования, делаются обобщающие выводы относительно специфики восприятия булгаковского опыта современными авторами, намечаются перспективы дальнейшей разработки проблемы.

В ходе работы мы убедились в том, что диалогические связи литературы 1980-2000-х годов с творчеством М.А. Булгакова представляют

собой постоянно развивающийся *процесс*, протекающий в различных формах.

Техника использования булгаковского опыта заключается в том, что сюжетная ситуация, имя героя или просто ключевое слово, цитата становятся кодом интерпретации, задают «формулу» восприятия текста, провоцируют на поиск диалогических связей. Основными элементами, которые заимствует современная проза из творчества Булгакова, являются: усложненная пространственно-временная организация, построенная на скрещивании нескольких разновременных сюжетов; сплав реального и фантастического, обыденного и мистического; воссоздание атмосферы времени «рушащихся царств». Эти элементы структурируют и организуют текст, включая его через булгаковский опыт в общее поле культуры.

Осуществленное исследование позволило выявить следующие функции диалога современных авторов с Булгаковым:

- философская или метафизическая (авторы размышляют о вечных человеческих ценностях, способных противостоять историческим «бурям», о диалектике добра и зла, о природе истинной любви);
- моделирующая (сопрягающая в плоскости особого мироощущения фантастику и реальность);
- структурирующая (полифонизм, множественность точек зрения), позволяющая оценить то или иное явление с разных сторон и сделать вывод, что в творчестве Булгакова присутствуют «первоэлементы» постмодернистского видения мира.

Все сказанное позволяет заключить, что наследие Булгакова до сих пор является для писателей неким «раздражителем», пробуждающим полет фантазии и одновременно приглашающим к творческому диалогу по поводу самых актуальных социальных и философских проблем современной жизни.

Мы предполагаем, что рассмотренные в данной работе аспекты не исчерпывают всего многообразия литературного диалога с Булгаковым. Дальнейшая разработка этой темы может быть связана, прежде всего, с

расширением самого поля исследования, в частности, с применением предложенной нами методики анализа к творчеству Л. Петрушевской, В. Пелевина, А. Слаповского, Ю. Вяземского и др., а это, в свою очередь, может привести к выявлению новых форм диалогических связей. На наш взгляд, проблема восприятия опыта Булгакова представляет научный интерес не только с точки зрения выявления интертекстуальных связей, но и в аспекте синтеза искусств, в частности, проблемы театрализации прозы, синтеза музыкальных и литературных форм и т.п.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

I. Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК

1. Харитонов З. Г. М. А. Булгаков и братья Стругацкие: принцип структурной цитации в романе «Отягощенные злом» / З. Г. Харитонов // Вестн. Тамбовского ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – 2008. – Вып. 11 (67). – С. 277-281.
2. Харитонов З. Г. Булгаковские традиции в романе братьев Стругацких «Отягощенные злом» / З. Г. Харитонов // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – 2008. – Т. 150, кн. 6. – С. 99-107.
3. Харитонов З. Г. Булгаковский подтекст в повести А. Житинского «Внук доктора Борменталья» / З. Г. Харитонов // Вестн. Тамбовского ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – 2009. – Вып. 4 (72). – С. 173-177.

II. Публикации в других научных изданиях:

4. Харитонов З. Г. Булгаковский подтекст в повести Э. Рязанова «Предсказание»: мотивы и образы / З. Г. Харитонов // Литература в контексте современности: сб. материалов IV Междунар. науч.-методической конф., Челябинск, 12-13 мая 2009. – Челябинск: Энциклопедия, 2009. – С. 341-344.
5. Харитонов З. Г. Экспрессионистские тенденции в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» / З. Г. Харитонов // В. А. Богородицкий: научное наследие и современное языкознание: труды

и материалы Междунар. науч. конф., Казань, 4-7 мая 2007 г. – Казань, 2007. – С. 273-276.

6. Харитонова З. Г. Черты экспрессионизма в раннем творчестве Михаила Булгакова / З. Г. Харитонова // Литература и реальность: XX век: сб. ст. – СПб.: Фак. филол. и искусств СПбГУ, 2007. – С. 21-28.

7. Харитонова З. Г. Черты импрессионистской прозы в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» / З. Г. Харитонова // Русская и сопоставительная филология '2008: Исследования молодых ученых: [сборник] / [редкол. Н. А. Андрамонова (отв. ред.) и др.]. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. – С. 125-126.

8. Харитонова З. Г. Диалог с М. Булгаковым в творчестве Ю. Буйды (на примере рассказа «Черт и аптекарь») – Сборник итоговой научной конференции филологического факультета КГУ за 2008 год (находится в печати).

9. Харитонова З. Г. Шариков и Дружков: Булгаковский палимпсест в повести А. Житинского «Внук доктора Борменталья» – Сборник VI Республиканской научно-практической конференции «Литературоведение и эстетика в XXI веке («Татьянин день») – 2009 год (находится в печати).